

Кое-что о Возрождении

Евгений Наклеушев*

В последние десятилетия на большей части планеты говорят о «возрождениях»: тут тебе и исламское (и более узкое арабское), и африканское (частично переплетенное с исламским), и латино-американское — и более широкое католическое, и целый ряд восточно-азиатских (включая монгольское — там пышно отпраздновали недавно какую-то гипотетическую годовщину, связанную с Чингис-ханом, и его славные победы), и центрально-европейское, и, конечно же, православное... Общим знаменателем всех означенных самых разнородных устремлений является твердая вера, что «возродиться» по определению очень хорошо и чрезвычайно прогрессивно.

А как же! У всех на памяти пример блистательного Западного Возрождения. Прежде него Запад был самым темным, косным и нищим углом всей культурной Евразии. С ним началось его превращение в самую динамичную и цветущую культуру мира, едва не решившую сверхзадачу превращения в универсальную культуру человечества. Ныне в эпоху тотального кризиса и крутого упадка этой культуры (1) как не возмечтать подмятым под нее народам иных традиций повторить, а буде возможно, и превзойти тот былой ее подвиг!

Так-то оно вроде бы так, но для этого не помешает, верно, уяснить, что же именно тогда с Западом произошло? Многое познается в сравнении. Трудней всего, однако, сравнивать события исторические. Они ведь все характеризуются той или иной степенью уникальности. Историю делают в первую голову не стандартные безличные силы (например, производительные, возлюбленные марксизмом, — и, будем справедливы, сонмом современных Западных историков, социологов и экономистов, остающихся по невинности своей на позициях буржуазного либерализма, — или темные силы бессознательного, на коих стоит фрейдизм в том же, если не вульгарнее, материалистическом духе, что и марксизм, только с другого конца), а, естественно, личности, неповторимые и не истолкуемые до конца ни через свое окружение, ни через собственные деяния. А за ними стоят вдобавок столь же реальные, но еще более загадочные и трудно постижимые соборные личности корпораций, сословий, классов, ... этносов, рас, ... религий, культур, эпох... И все вступают в самые причудливые взаимодействия (к примеру, кто из неосведомленной публики заподозрил бы, что одним из слагающих рекордного в истории успеха монгольского завоевания было... христианство, принятое тогда значительной частью монголов, — правда, в несторианском варианте, более схожем по духу с исламом, чем с тем, что привыкли мы ассоциировать с христианством).

Но наитрудное в познании, как правило, и наиболее заманчиво, суля в случае успеха открытия замечательные. И вот, советский востоковед, академик Николай Конрад

*E-mail: emn42@yandex.ru

вырывается из традиционного для исторической науки Запада европоцентризма, демонстрируя на широчайшем историческом материале, что Возрождение, как и реформация, и Просвещение, были универсальными для культурной Евразии фазами исторического процесса, пусть и не вполне единовременными. Правда, в различных регионах они существенно различались в интенсивности. Возрождения естественно были ярче у народов, помнивших за собой культурную древность, а молодые народы проявили куда больше энергии в эпохи реформации и Просвещения. . .

Но Конраду резко возражает Лев Гумилев, не менее (скорее более) эрудированный и блестящий историк, создатель целой науки о рождении и развитии народов — этнологии. Он показывает, что те самые процессы, которые Конрад связывает с китайским Возрождением, при всех своих впечатляющих параллелях с Западным Возрождением, привели Китай к серии внутренних и внешних политических катастроф, к захвату все больших его частей сначала киданями, потом чжурчжэнями, еще далее к первому в истории гигантского и густейше населенного Китая полному его завоеванию иноземцами, в тот раз монголами, — и, наконец, после последнего подъема страны при династии Мин, к самому долгому и унижительному в ее истории порабощению манчжурами. . .

А «вечный младший научный сотрудник» и один из последних мудрецов на Земле (к несчастью, недавно скончавшийся) культуролог и философ Григорий Померанц соглашается с ними обоими: да, Возрождения универсальны в истории Евразии — и именно они привели две самые ее могучие культуры, Индию и Китай, почти к параличу культурного развития и, естественно, к политическому маразму. . .

А народы шумят: «Возрождаться, возрождаться!!»

Так что же произошло на Западе *под именем* «Возрождения»? Почему процессы, параллельные по видимости тем, что сковали две величайшие культуры мира, тропически изобильные в своей цветущей сложности и динамизме, подтолкнули Запад к восхождению на небывалую в истории высоту? Или не сказать здесь ничего глубокомысленней: «Что русскому здорово, то немцу смерть»?

А произошло на Западе, смеет судить автор, то, что Возрождение там в самой блистательной и *оптимальной* мере *почти что провалилось!* . . .

Чем ведь было *по идее* всякое евразийское Возрождение? «Контактом культур во времени»? Так толкует его Арнольд Тойнби — со столь частой у него легкостью в мыслях необыкновенной, позволяющей ему уверенно приписывать шумерам и прочим невообразимо древним людям мотивы действий современных Тойнби британцев. Только для серьезного историка это чушь невообразимая. Типичное средневековое сознание *практически нацело* задавалось религией. Религии были тогда сосудами, придававшими текучей жизни единственно приемлемые формы. Культуры служили орнаментами, любовно на те сосуды наносимыми, и в отрыве от них не мыслились никак. Вот почему на Московской Руси, наглухо окольцованной иноверцами, заслушаться иноземной песенкой значило по «Голубиной книге» проклятию обречь душу. Какой тут, к черту, «контакт культур»! Для нормального человека Средневековья подобный «контакт» был бы вроде скотоложства в храме Божьем!

Возрождение было на Западе (как и везде в культурной Евразии) попыткой вытащить из могилы свою культурную древность в ее *тотальности*, начав, разумеется, с воскрешения древних богов (что очень точно описал Мережковский в романе о Леонардо да Винчи — «Воскресшие боги»), — и, естественно, похерить при том нацело

наличную культуру, основанную на христианстве. «Контакт», если можно так неуклюже выразиться, этих двух изначально несоединимых культур (ибо, ну никак не соединимы христианство и язычество) явился результатом-сюрпризом конечного провала той поначалу очень успешно развивавшейся и далеко зашедшей попытки.

Западное Возрождение было — уж, извините за такую идею, столь скомпрометированную сталинскими всюду ее просовывавшими историками, — *заговором узкой*, но влиятельнейшей кучки просвещенных в духе древних классиков аристократов, сказочно разбогатевших тогда на торговле с Востоком купцов, утонченных клерикалов, ученых гуманистичеев, писателей, поэтов, художников... — против собственного темного христианского простонародья.

Подобного заговора не понадобилось в Индии и Китае, где древняя традиция была куда устойчивей, и переход к Средневековью не сопровождала страшная культурная катастрофа «темных веков», разразившаяся на Западе. Там простой народ достаточно помнил еще свою «золотую древность», чтобы заедно с элитой подняться за восстановление «своего» (на Западе темный люд «своим» считал пришлое с семитского Востока христианство). Пути Возрождения в Индии и Китае облегчило то, что господствующие умонастроения Средневековья ассоциировались там с завоевателями-варварами. Поэтому древнейший индуизм с удивительной легкостью почти нацело вытеснил тогда из Индии «арийский путь» великолепно организованного буддизма, а конфуцианство решительно оттеснило в Китае соперничавшие культы, поддерживавшиеся кочевыми завоевателями. Замечательно, что хотя история этих стран была практически неизвестна в ту пору на Западе, и там выросли точно такие же — сколь ни абсурдные исторически — ассоциации христианства с варварством — в забвение того, что Рим христианизировался изнутри, что христианство было затем официально принято волей его собственных императоров, и это римские миссионеры принесли христианство северным варварам:

Ужасен вид готических строений! —
Чудовища — следы невежественных лет.
Вас изрыгнули варваров потоки,
в своем разливе затопившие весь свет.
Они, культуре объявив священную войну,
повергли дивный Рим, прекрасную страну,
и миром овладев, искусство задушили...

Заговорщики канонизировали великих мыслителей языческой древности как «христианских святых». Они пронизали прозу и особенно поэзию образами языческих богов (якобы в качестве «символов природных стихий» — еще многие стихи Пушкина и других русских поэтов 19 века, учившихся на французских образцах, в свою очередь следовавших итальянским, невозможно понять, не зная греко-римскую мифологию в мельчайших деталях, — как должны были ее знать истоиво в нее веровавшие). Они выставили на городских площадях обнаженные статуи, уверив пораженных обывателей, что отвращение к прекрасной нагоде человеческого тела никак-де не связано с духом христианства, но навязано завоевателями-варварами. Они восстановили рабство, подорванное было христианским воспитанием многих поколений, — характерная деталь «радостного духа Возрождения»!

Савонарола страстной проповедью целую Флоренцию возвратил в лоно истовой веры Христовой. Заговорщики — с папой во главе — сожгли его как «еретика»!

Они были упорны и терпеливы. Они готовы были трудиться века, чтобы подменить наконец последний камень церкви и ввести одураченный темный люд в языческое капище (2)...

Они проиграли в нескольких шагах от победы по причинам совершенно случайным (если не обращаться к тому слою связи событий, что называют «судьбой», и который современность, включая автора, так или иначе не умеет исследовать). Вздорный султан Египта, заломив абсурдные пошлины, перекрыл торговлю с «Индиями». Мореплаватели бросились искать обходные пути — и открыли богатства Черной Африки, а затем и Америки. Главные магистрали торговли переместились из Средиземного моря в Атлантику — и Италия обеднела. Папы попали в финансовую зависимость к «заальпийским варварам», весьма косо смотревшим на их религиозно-культурные эксперименты, и обнаруживших к тому же удивительно превосходное чувство политической реальности сравнительно с итальянцами, рабски следовавшими образцам древности. Утонченная страна стала ристалищем политических амбиций северян. Завезенный из Америки сифилис обратил нравы масс к христианскому целомудию властей Савонаролы.

К этому можно было бы прибавить и то, что человек, для великих свершений освобожденный гуманизмом от пут и шор христианского «изуверского» к нему недоверия («Безумен возлагающий надежды свои на человеков», — сказал один из отцов церкви), хотя и явил тогда ряд титанических в своей творческой мощи натур, в массе своей повторил вовсе не гармоничного афинянина периклова века и не сурово добродетельного римлянина эпохи ранней республики, — но того самого кровожадного и большого зверя времен заката античности, что подвинул процитированного отца церкви на «изуверское» к нему недоверие... Но не следует забывать, что в Индии и Китае аналогичные накладки отнюдь не обратили вспять их Возрождений...

Главными были не эти, сколь ни важные, но частные провалы, но то, что заговор Западного Возрождения так и не вышел за пределы элитарной кучки посвященных. И когда большинство этих людей, обнищав, принялось тяжким трудом зарабатывать свой хлеб, их просто «заела» неизмеримо превосходившая их числом христианская среда.

Но вековой их труд не был сколько-нибудь тщательно демонтирован. По-видимому, слишком немногие из их противников вполне сознавали значение того, что было ими сделано, и обладали притом достаточным влиянием, чтобы организовать систематическое контрвозрождение. И у тех на два века руки оказались связаны: по иронии истории разрушить совершенное Возрождением помешали как раз «заальпийские варвары», более всех им возмущенные — и учинившие против папского Рима бунт, получивший название «реформации»...

А едва улеглись бури реформации, эстафету переняли Просвещение и последовавшие за ним Великая Французская революция и наполеоновские войны...

А когда те завершились, культура Запада принялась уже старчески костенеть — по Шпенглеру — и слишком поздно было ампутировать то, что срасталось с ее телом около шести веков, иначе погибло бы все...

То, что мы привыкли с краткостью, более, чем легкомысленной, объединять единым словом «древность», слагается из целых трех(!) поколений культур (3) (мы живем на закате культур четвертого поколения). Греко-римская античность принадлежала, разу-

меется, к третьему поколению. Она отличилась — в греческой ипостаси — уникальной способностью к обучению у старших культур и еще более уникальным даром оригинального творчества. Вообще, поразительный прилив творческой мощи прокатился тогда по всей культурной Евразии (а также — по свидетельству Льва Гумилева, судившего по предметам материальной культуры той эпохи, — по кочевому миру Великой Степи — и, зададимся вопросом, не целого ли бесписьменного «варварского мира»?) Ясперс говорит об «осевой эпохе» 8–2 веков до новой эры, когда разом и независимо друг от друга в Китае, Индии и Элладе сложились систематические философии, не превзойденные существенным образом донныне, ориентировавшие развитие наук и — до известной степени — мировых религий. Тогда в Греции и Иудее (и в меньшей степени в Иране) найдены были все до единой *фундаментальные* идеи гуманитарной культуры Европы, к которым современность не прибавила *ничего принципиально нового* (4) (к ним, правда, присовокупил еще в ту же эпоху Рим свое классическое право, истоки коего в той же Элладе)! Революционные прорывы в знании удались в Европе Нового и Новейшего времени только в области точных наук и опиравшихся на них естествознании и технике. И гуманитарии Запада не сумели научиться у своих гениальных физиков и математиков *ничему* (5)! А потому и сами ничему их не научили (6). И вот еще почему в 20 веке «формулы стали умнее физиков» — или, выражаясь менее изысканно, физики перестали вполне отдавать отчет в том, что они собственно делают. И начался распад — по Шпенглеру — духа Западной культуры. . .

К тому же третьему поколению принадлежали современные эллинам культуры Индии и Китая, также явившие тогда абсолютные для своих регионов вершины творчества, за которыми на уровне *фундаментальном* не последовало в дальнейшем *ровно ничего!*

Станислав Лем как о триумфе говорит в своей «Сумме технологии», что современные гуманитарии только тасуют колоду основополагающих идей, выдвинутых древними. К этому надо прибавить, что колоду идей Европы даже не пытались доселе органически соединить на сколько-нибудь серьезном уровне с колодами оригинальных идей Индии и Китая (7), хотя основанные на этих последних йога, цигун, системы медицины, боевые искусства и дальневосточная живопись все тесней вплетаются в ткань нашего быта (8).

Крах культуры всегда страшная вещь, но для культур третьего поколения он был, как никогда, ужасающ — с огромной высоты ведь упали — и повсеместно скомпрометировал их мировоззрения. В результате языческие (то есть *народные*) религии стали повсеместно вытесняться мировыми, для большинства новообращенных пришлыми. То была попытка (в христианстве вполне осознанная: «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное...» (Матф. 18:3), — зачеркнуть прошлое нацело — и начать с «чистого листа», с наивности раннего детства. То было конечно крайне болезненное, но, по-видимому, самое *потенциально* конструктивное из всех возможных тогда по необходимости деструктивных решений: вся, и особенно Западная, античность пребывала в ту пору, казалось, в безысходном тупике, так что и самые по внешности благополучные и почтенные люди, как римские сенаторы, умирали от распространившейся тогда болезни «отвращения к жизни». Но, когда ужас той катастрофы забылся, и освеженные новым детством Средневековья народы изжили былой комплекс неполноценности, они поразились: как могли предки отринуть столь блистательную высоту — импортировав зачем-то «варварские» культы? («Ведь Будда был варвар, не почитавший родителей!» — почтительно напомнили тогда императору вос-

прянувшие конфуцианцы — и то был самый сокрушительный в контексте духа того времени аргумент.) И древние народы ринулись «возродить» — «свое»! И оцепенели, где такое вполне «удалось».

Ибо умершее, сколь бы ни высокое, мудрое и прекрасное при жизни, невозможно воссоздать заново в резко изменившихся внешних и внутренних условиях народной жизни — живым. Оно навсегда останется искусственным — и «чужим» в этом важнейшем здесь смысле слова. И убьет или парализует живое и подлинное теперь свое. Вот почему повезло Западу, что встал там на пути у горсти просвещенных умников темный люд, по невежеству своему не воспротивившийся собственным живым инстинктам, заставившим его счесть «своим» христианство, пришедшее из безмерно чуждого некогда Западу семитского мира.

Но и в том повезло Западу, что темный люд, слишком занятый в подавляющем большинстве неотложными заботами о хлебе насущном, чтобы размышлять о тонкостях культурного строительства, не демонтировал с достаточным тщанием учиненное заговорщиками — как едва не удалось Савонароле, чьи приверженцы яростно жгли «богопротивные» книги и картины, крушили «бесстыдные» статуи и не стеснялись доносить на ближайших родственников, «погрязших в язычестве». В последнем убеждает история Возрождения в странах ислама, самого, пожалуй, блистательного на своем взлете, но завершившегося практически полным крушением и возвращением к святой простоте Корана. А ведь почва истории была там, как нигде, древней, и живы еще были драгоценные ростки эллинизма. В попытке легализовать и вплести в ислам все эти языческие сокровища совершена была колоссальная работа (сэкономившая позднее заговорщикам Западу столетия труда), к коей приложили руку самые даровитые персы, евреи, арабы и турки. И совсем близкой казалась окончательная победа. И цвела роскошно культура, и в упадке своем поразившая и очаровавшая полудиких крестоносных фанатиков...

Что же помешало заговорщикам исламского мира (куда более многочисленным и сплоченным, чем на Западе)? Не исключено, что в первую голову они сами. Видимо, слишком истоиво, в сравнение с Западом, взыскали здесь люди Бога (9). И когда поняли — около рубежа первого-второго тысячелетий нашей эры — то, что забрезжило на Западе лишь для мудрейших в 17 и особенно в 18 веке, и что ясней других выразил Кант: что наука и целое рационалистическое мышление категорически неспособны в поверхностных своих играх приблизиться к Богу (но очень способны увести от Него идолизирующих их простаков), сами мудрейшие усомнились в правоте «эллинского пути». И Омар Хайям, не только великий поэт, но и наследник древней мудрости суфиев, и выдающийся ученый и мыслитель, констатировал с горечью и укором:

Где теперь эти люди — мудрейшие нашей земли?
Тайной нити в основе творенья они не нашли.
Как они суесловили много о сущности Бога...
Весь свой век бородами трясли — и бесследно ушли!

После чего только естественным показалось решение одного из первых «совершенных калифов» Омара (действительно, святого и мудрого — и во многом не только по стандартам своего времени — наследника Пророка), что делать с Александрийской библиотекой, содержащей сокровища бесценные: «Сожгите эти книги. Ибо те из них, что

повторяют Коран, излишни. Те же, что противоречат ему, вредны.» И в веках, последовавших за поражением Ближневосточного Возрождения, исламские владыки следовали завету Омара все чаще — и ныне народы ислама повсеместно отличаются от своих иноверных сородичей и соседей не только повышенной нравственной энергией, но и фанатизмом, меньшей грамотностью, большей бедностью (где не преобразуют картину сказочные нефтяные доходы), косностью, царством посредственности и тщательно организованным недоверием к умникам, — от коих, видит Бог, бывает же временами и немалая польза! . . .

Впрочем, «везение» Запада — это еще откуда и как посмотреть. Карл Густав Юнг, глубочайший среди психоаналитиков и единственный из них мудрец, не уставал повторять, что для нормальных представителей всех иных культур вечно страдающий беспокойством человек Запада выглядит неизлечимо безумным! Еще бы, ведь никакого *органического* синтеза христианской и языческой компонент Западной культуры не произошло — и не могло произойти в принципе. Самая эта проблема была осмыслена скольконибудь глубоко только около рубежа 19–20 веков, и острее всего не на самом Западе, а представителями русской, сбоку лишь прилепившейся тогда к Западу культуры (Розановым, Мережковским и другими). Механическое соединение на Западе элементов столь чуждых в своих основаниях культур не только грандиозно расширило горизонты его мировидения, но и болезненно раздвоило его душу. Уникальный в истории культурный динамизм явился творческой реакцией на это патологическое расщепление (еще Аристотель — за тысячи лет до Ломброзо, не пришедшегося ко двору нашей эпохе, трусоватой, когда надо называть вещи собственными неприятными именами, — констатировал с всегдашней своей исключительной добросовестностью наблюдения, что во всех сферах человеческой деятельности гениальность и выдающийся талант *неотделимы от* некоторой доли *безумия*). Но гениальность и яркий талант могут быть уделом только исключительного меньшинства — а как прикажете справляться с жизнью, с необходимостью стоящей у человека *на фундаменте культуры* (наши природные инстинкты, увы, слишком смутны, противоречивы и разрушительны, чтобы обеспечить нам выживание), рядовому обывателю Запада? И вот еще почему современная Западная цивилизация — *самая больная* на Земле. Тойнби свидетельствует, что это единственная в истории человечества цивилизация, контакт с которой не поднимает, но провоцирует вымирание «примитивных» (откуда посмотреть, весьма мудрых по-своему) племен. Не зря антрополог Эрик Лундквист, исследовавший культуры папуасов (одни из «примитивнейших» в наше время на Земле), назвал книгу, посвященную результатам своих исследований: «Дикари живут на Западе» (повторив Марка Твена и Джорджа Бернарда Шоу). «Что вы думаете о Западной цивилизации?» — спросили Махатму Ганди. «Думаю, это была бы неплохая идея» — дипломатично ответил мудрый Ганди.

Западный человек восхитительно, рядом с расхлябанным россиянином, дисциплинирован и сдержан в быту и в стрессовых ситуациях. Увы, только до некоторого предела (терпение — не его конек, упорство — пока что, да). Перейдя тот предел, Западный обыватель становится *зверем в «каменных джунглях»* (ходовое американское выражение). Перекрыв отпущенный Западнему жителю предел терпения бог знает во сколько раз, обыкновленный современный россиянин остается все тем же расхлябанно хамоватым, но не без того, что бы все еще *и человеком*, не совсем расположенным толкать падающего! Всего два десятилетия непривычно суровых экономических и политических стрессов

меж двумя мировыми войнами превратили самый одаренный, культурный и просвещенный народ Запада, немцев, в исчадия ада. Что-то еще принесут человеку Запада неудержимо нагнетаемые на закате его цивилизации стрессы?

Ныне, когда христианская компонента души Запада дышит на ладан, тишает и его динамизм. И вот уже грозно встала перед ним крохотная (четыре пятых ее территории горы, не годные ни в застройку, ни под пахоту), чудовищно перенаселенная, нищая природными ресурсами, — но, ах, какая динамичная! — Япония — а за ней «малые драконы»: Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Сингапур. . . — и вот-вот распрямится во весь рост древний великан Китай (а за ним Индия? — там сейчас лучшие в мире — наряду с россиянами — программисты, а век наш — век информации!) — с непредсказуемыми — для оптимистов Запада — последствиями.

Хуже всего, однако, то, что одновременно со снижением динамизма Запада распоясывается его «языческое» безумие: наркомания как единственное *во всех* — и особенно, в самых «преуспевающих» — слоях общества средство заполнить зияющую на месте испаряющегося христианства пустоту души, погоня за материальным успехом любыми, лишь бы не поймали, средствами — как единственный путь к самоуважению, культ жадности, похоти и насилия (то же — по внешности — происходит сейчас и у нас, но у нас за тем очевидна усердная до глупости *режиссура* кругов, чье ворованное благополучие немедля рухнет, едва страна придет в себя, — на Западе это происходит *спонтанно*). Игра, начатая Возрождением, еще не окончена, и никто не знает еще, какой ценой в ее финале придется оплатить ставки. . .

Одно ясно: сверхзадача Западной цивилизации — стать своей для целого человечества — безнадежно провалилась. И все беспокойней мятутся народы: как им скорее вернуть «свое»? И все громче шумят: «Возродиться!!»

Упаси, Боже! Идеология «возрождения» есть идеология чистой реакции, каковая не есть конечно автоматически гнусная затея: ведь история не походит на прямолинейный, как железная дорога из Петербурга в Москву, «прогресс», какой видел ее упорный в своей наивности 19 век (и продолжают желать так видеть еще более упорные в своей невинности доминирующие в нашем времени простаки), но знала позади нас *удивительные* взлеты (и чревата впереди, что показал уже 20 век, возможностями самых устрашающих провалов), но. . . Но, стремился показать автор, игра в «возрождение» умершего есть, натурально, игра со смертью даже, если в прошлом было самое великое и прекрасное, что жило когда-либо на Земле. Игра такая даже в последнем случае способна привести к «успеху» — далеко, повторимся, не свободному от роковой двусмысленности — только при уникальном стечении обстоятельств, неисчисляемом силами человека. Не говоря о том, что «успех» Запада был, повторимся опять, результатом «оптимальной меры провала» задуманного тогда им прожекта. . . И кто-нибудь все еще желает попробовать?

Понятно, что желающих хоть отбавляй! Прошлое ведь так солидно — ведь оно *стоялось*, в отличие от неведомого будущего, и притом в раз и навсегда определившихся формах (пусть слишком часто смутно нам ведомых, но зато мифологически пречудно для нас изукрашенных). Как-то мало кому приходит в голову простая как будто мысль, что, с точки зрения настоящего, прошлое принципиально менее реально, чем будущее, ибо в прошлое пути народам заказаны, а в будущем мы или наши потомки так или иначе окажемся непременно, если только не погибнет человечество. Социология развития

находит, что *будущее много меньше определяется прошлым, чем нашими ожиданиями и намерениями относительно будущего*. Так что жить надо с лицом, обращенным вперед. А что до того прекрасного и великого, что упустили мы в прошлом, все это рано или поздно, пусть через века, вернется к нам *само* — живым, а не вымученным. Ибо «все сходится, что растет» (как говорят отнюдь не склонные к абстрактной премудрости, но весьма практичные англичане, повторяя, однако ж, вряд ли о том подозревая, величайшего из мыслителей Запада Платона — см. диалог «Пир», речь Эриксимаха), потому что свободно творчество. Оно ведь от Бога, от вечности, и по *большому счету стратегии* не боится времени, хотя и должно *в своей тактике* благоразумно считаться с его земной цикличкой. . .

А если народам так уж полюбился звучный, нельзя не признать, термин «возрождение» (увы, опаснейше велика в судьбах человечества роль красивых слов!) так надо придумать, чем бы, не хуже звучащим, но верней ориентирующим, его заменить. Автор предложил бы, может быть, несколько корявое, но точное по смыслу *«рождение внове»*. Именно таковым стало для погибавшей Западной античности христианство — и для других регионов и эпох иные мировые религии. . .

Только подобное *очередное рождение внове* может спасти от гибели человечество, на своих нынешних путях явно обреченное: слишком тесно стал теперь связан в материальном плане наш мир («большая деревня» по расхожему выражению СМИ), оставшись духовно расколот. В мире, который затем последует, человечество впервые в своей истории станет наконец истинным *культурным* (а не почти чисто биологическим, как доньше) *единством*. В мире том не будет трагического расщепления на Запад и Восток, Север и Юг, но все его части войдут в гармоничное целое, основанное на общей всем (пусть с неизбежным — и взаимно обогащающим — различием локальных акцентов) воистину тогда *мировой* религии (традиционные «мировые» религии в действительности всего лишь *широко провинциальны*). . . Стоит заметить — автор собирается еще об этом писать - что религия та будет отличаться от современных нам религий не меньше, чем квантовая механика и теория относительности, от механики Ньютона.

Комментарии

1. По пессимистической оценке Освальда Шпенглера, культура Запада достигла вершины своей творческой мощи еще в 18 веке, и уже ко времени наполеоновских войн вступила в старческую пору «цивилизации», весьма, правда, благоприятную для развития техники и всяческой организации — социальной, производственной и военной, но сопряженную с окостенением всех более глубоких проявлений творческого духа. Эта оценка кажется в самом деле слишком уж пессимистичной, но замечательно, что ее предвосхитил уже Пушкин! В самом деле, в одном из периодов развития Онегина —

Уселся он — с похвальной целью
себе присвоить ум чужой;
отрядом книг уставил полку,
читал, читал, а все без толку:
там скука, там обман иль бред;

*в том совести, в том смысла нет;
на всех различные вериги;
и устарела старина,
и старым бредит новизна.*
Как женщин, он оставил книги,
и полку, с пыльной их семьей,
задернул *траурной* тафтой.

(Места, выделенные курсивом и жирной печатью, — на совести автора этой статьи.)

Напомним во избежание недоразумений, что около 1820 года, когда Онегин уселся за книги, русские едва начинали пробовать собственный голос в литературе, продолжая в основном подражать и учиться у Запада, и, значит, чужой ум, который без толку пытался присвоить себе блестящий русский юноша, был именно Западным, и к Западной литературе относится уничтожающая характеристика Пушкина. На то же намекает лаконичная характеристика деревенской библиотеки Онегина, с которой знакомится Татьяна:

Он из опалы исключил:
певца Гяура и Жуана
да с ним еще два-три романа,
в которых отразился век. . .

2. Автор сознает, что, говоря о «заговоре», до некоторой степени утрирует. Некоторые из тех людей могли искренне воображать себя «утонченными христианами» (как гораздо позднее многие большевики — Ленин в их числе — могли искренне считать себя «подлинными гуманистами»), ибо слишком широк и трагически запутан человек. Подлинное значение того, что они делали, вполне раскрывается только в анализе аналогичных движений, победивших в Индии и Китае — на великое горе тех стран.
3. Здесь имеются в виду поколения культур, обладавших письменностью, и их счет начинается, разумеется, с Древнего Египта и Шумера. Им предшествовали не менее пяти тысячелетий(!) эфемерных дописьменных городских цивилизаций, практически не наследовавших друг другу, число поколений которых поэтому никому не известно, и вряд ли может быть когда-нибудь корректно подсчитано.
4. В начале 50-х годов прошлого века семантик Мортимер Адлер (семантика — наука о смыслах) составил список фундаментальных понятий Европейской гуманитарной культуры. Их оказалось всего 102, и все до единого были найдены в античности или еще ранее. С целью расширения списка Адлера в Чикаго был открыт целый исследовательский институт, который, проработав несколько лет, закрылся, так и не найдя ни одного дополнительного к его списку понятия.
5. В 60-х годах, то есть, что любопытно, в эпоху последнего в протекшей истории всплеска оптимизма в мироощущении Запада, британец Чарльз Сноу констатирует

вал в своей книге «Две культуры» практический *распад* Западной культуры на домены естественников и гуманитариев.

6. Обывателю, чья идея порядка — разложить все по полочкам, представляется, что только так это и должно быть: гуманитариям надлежит-де заниматься гуманитарией, а физикам и математикам — собственным точным знанием. Поля их деятельности никак-де не пересекаются, а потому учиться им друг у друга нечему — так что странны заботы автора. Но един, при всей своей грандиозной многосложности, мир — и *едино*-многосложным должно рано или поздно стать — или вовсе шизофренически распасться — наше о нем знание. Это его единство отчетливо ощущали все великие русские писатели (предтечи нашей будущей величайшей в истории культуры, которая, как предсказывал угрюмый германский патриот Освальд Шпенглер, станет доминировать в третьем тысячелетии нашей эры). Это *сам* Пушкин (оставляя в стороне его трактовку образа Сальери) «алгеброй гармонию поверил» — анализ его текстов современными литературоведами не оставляет в том ни малейших сомнений! У Пушкина просвечивают также начатки глубочайшей философии истории — почти столетие спустя некоторые из них переоткрыл Шпенглер. У него же очевидны начала исторической психологии — к ней пришли ученые в 60-х годах 20-го века. И еще у него, как показал автор этой статьи в главе 1 своей книги «Введение в унологию, или единое знание», брезжит в стихотворении «Движение» догадка о некоем *третьем пути* к разрешению древних апорий (парадоксов) Зенона Элейского, демонстрировавшего «логическую невозможность движения» (два первых были: либо *целиком* принять справедливость вывода Зенона — либо *категорически* же его опровергнуть — подвиг, который никому не удался за две с половиной тысячи лет попыток иногда самых серьезных претендентов) — на каковом третьем пути и решил означенные апории автор.

Далее, первым — и единственным — писателем-художником, осмыслившим потрясающее для человеческого духа значение неевклидовых геометрий был Достоевский, построивший затем «неевклидову психологию» своих персонажей — и на новую высоту поднявший уже дряхлевшее в его время христианство... И единственным среди ученых Запада, кто в свою очередь прочувствовал значение подвига Достоевского, был Эйнштейн, величайший физик «века физики» (и один из двух его крупнейших, наряду с Бором, мыслителей среди физиков): «Достоевский дает мне больше, чем кто-либо другой — больше, чем Гаусс!». Собеседник Эйнштейна сделал тогда все возможное, чтобы поймать его на «художественном преувеличении» — Эйнштейн остался непоколебим и предельно ясен: Достоевский был нужен ему именно как физику и как мыслителю больше, чем Гаусс — величайший математик (и величайший мыслитель среди математиков) всех времен, без чьего математического аппарата и созданной им философской культуры математического мышления Общая теория относительности была бы совершенно невозможна. Тем более, стало быть, без Достоевского!

Напряженно размышлял в молодости над проблемами физики и математики Лев Толстой. Его бумаги обнаруживают, что он вплотную подошел к теории относительности за десятилетия до Эйнштейна...

Своего Эйнштейна (если не Бора и Эйнштейна вместе взятых!) ждет еще потрясающая глубина творчества Андрея Платонова. . .

7. Притом, что Бор, например, ясно сознавал необходимость такого синтеза, и включил при получении дворянства в свой герб китайские символы универсальных взаимодополняющих начал инь и ян, слагающих все целое вселенной, и обуславливающих ее динамику. Их концепция перекликалась для него с его принципом дополнительности, первоначально созданным с целью осмысления природы микромира, но истолкованным им впоследствии как универсальный для глубокого понимания вещей и явлений. . .

В последние десятилетия немалый энтузиазм на Западе вызвала также книга «Дао физики», продемонстрировавшая убедительные множественные параллели между квантовой механикой и даосской и буддистской философиями. Увы, далее простой констатации означенных параллелей автор той книги не продвинулся ни на шаг. . .

8. Автор дерзает утверждать, что предпринял шаги к синтезу означенных колод (и к синтезу точного и гуманитарного знания) еще начиная с первой из своих книг — «К единому знанию», вышедшей в США в 1984 году. Автору известна единственная попытка квалифицированной рецензии на ту книгу, принадлежавшая Михаилу Окину. Из «Континента» Окину ответили, что «книги такой не может быть». . . «Книга такая» была, надо сказать, им перед тем послана, и даже ими рекламировалась — но, как видно, прочитать ее у них времени не нашлось. . .
9. «Это культура человеческой автономии и, вероятно, с самого начала культура глубоко атеистическая», — пишет о культуре Запада эколог (экологи, как писал уже автор, единственные на современном Западе свежие мыслители, пытающиеся реформировать его зашедшую в тупик усталую традицию) Э. Левинас, — не слишком, на наш взгляд, утрируя. Еще святой Франциск Ассизский, самый проникновенный на Западе «подражатель Христу», живший на рубеже 12–13 столетий, сокрушался, что «все верят в Бога (в его время то было для Запада почти стопроцентной истиной), но *мало кто верит Богу*». В разительном отличии от Западного христианства, ислам всегда твердо стоял — и стоит! — на *вере к Богу*. Одно это не может не внушать к нему почтение — пусть для большинства наших современников лишь боязливое. И пусть это ныне во многом больная вера — болезнь цивилизационной оскорбленности ислама безбожным и развращенным Западом когда-нибудь да пройдет (и в свете развитых соображений о современной динамике цивилизаций пройдет, можно предполагать, куда быстрее, чем думают) — а вера такой глубины и силы вряд ли захиреет — и до крайности понадобится будущему.